
«Хочу я этого, не хочу – я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности

С.А. ЧЕРНЫШОВ*

*Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, 1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Цитирование: Чернышов С.А. (2024) «Хочу я этого, не хочу – я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности // Мир России. Т. 33. № 4. С. 23–43. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43

Аннотация

В статье на основе социально-конструктивистского подхода исследуются прошлое и настоящее сибирской региональной идентичности. Для анализа выделяются три ключевых составляющих идентичности – территориальная самоидентификация, общие мифы локальной исторической памяти, общие культурные практики. Выдвигается гипотеза, что сибирская региональная идентичность в ретроспективе и в современных практиках символического оформления претендовала и претендует на статус этноса или нации, и по этой причине к ней могут быть применены критерии анализа, которые современная наука использует в случае любых других социальных сообществ, признанных этносами или нациями. Материалами исследования служат контент-анализ медиа, данные архивов, материалы личного происхождения (дневники, воспоминания и прочее), данные исторических и социологических исследований, а также авторское исследование, проведенное методом удаленных фокус-групп в девяти городах Урала и Сибири.

На основе этих данных делается вывод, что сибирская идентичность не может претендовать на квазиэтнический или квазинациональный статус. Современная территориальная идентичность «сибиряков» имеет в основном условный характер. Мифологию локальной исторической памяти можно оценить как производную от общенационального исторического нарратива. Общие культурные практики представляют собой набор автостереотипов внешнего происхождения, критический анализ которых указывает на их несостоятельность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г.

Однако, несмотря на размытый характер основного массива специфических макро-региональных идентификационных практик, само наличие этих практик является заметным явлением для сибиряков. Существование значимого для локального сообщества набора символов при определенных условиях может служить конституирующим основанием для появления сибирской этнической (национальной) идентичности.

Ключевые слова: *региональная идентичность, историческая память, Сибирь, сибиряки, федерализм, идентичность*

Введение

Сибирь – один из немногих макрорегионов России, претендующий на нечто большее, чем просто географическое наименование. «Сибирский», «сибиряк» и другие производные от слова «Сибирь» используются в названии университетов (как маркер учреждения более важного, чем просто региональный вуз) и ресторанов (как маркер квазиэтнической кухни). В новостях термин «сибиряк» часто является обозначением воображаемой историко-культурной группы людей: «многие сибиряки отпраздновали новый год дома», «погода будет благоволить сибирякам», «18-летнего сибиряка ограбили на улице» и так далее. Слова «Сибирь», «сибирский» и «сибиряки» в бытовом употреблении и отдельных социальных практиках используются как маркер квазиэтнической/квазинациональной (некоторые авторы употребляют термин «цивилизационной» [Зайнутдинов 2012, с. 342]) идентичности – наряду, скажем, с Северным Кавказом или Дальним Востоком. И наконец, во Всероссийских переписях населения, например, в переписи 2010 г. в графе «национальность» сибиряками назвали себя 4166 чел. [Нам, Харусь, Шевцов 2023, с. 165].

Актуальные социологические исследования демонстрируют, что самоидентификация «сибиряк» для жителей регионов Сибири является, как правило, второй по популярности сразу после российской общегражданской идентичности. Так, по данным одного из последних макрорегиональных тематических опросов, на вопрос «Кем Вы себя в большей степени ощущаете?» 49,8% респондентов ответили, что они – «россияне», 38,7% выбрали вариант «сибиряки», 31,2% – «житель своего региона (района)» [Казанцев, Качусов 2021, с. 141]. Исключение составляют только национальные республики Сибири (Алтай, Тува, Хакасия, Бурятия), где этническая самоидентификация доминирует над макрорегиональной, однако и там сибиряками считают себя от 7 до 27% опрошенных (в Якутии и Хакасии соответственно) [Мадюкова, Персидская, Попков 2017, с. 76].

Конструирование сибирской территориальной идентичности и дискуссии о характере ее существования (от общегражданского до этнического) продолжаются по меньшей мере более полутора веков, начиная со статей Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в «Томских Губернских ведомостях» 1860-х гг. и иных текстов современников, ставящих вопрос о существовании «особости» Сибири [Шевцов 2011, с. 92]. Задача настоящего исследования – проанализировать процесс генезиса сибирской территориальной идентичности и ее нынешнее дискурсивное поле на основе критериев, которые современная наука предъявляет к этническим

или национальным идентичностям. Для реализации этой задачи автор выдвигает гипотезу, что сибирская региональная идентичность в ретроспективе и в современных практиках символического оформления конструировалась и конструируется по образцу этнической, и поэтому к ней могут быть применены критерии анализа, которые современная наука применяет к любым другим этническим сообществам.

Исследование выполнено в парадигме социально-конструктивистского подхода, который отрицает примордиальный характер идентичности и постулирует понимание идентичности как смыслообразующего основания социальной группы [Брубейкер, Купер 2002; Калхун 2013]. Конструируемая и на институциональном уровне, и на уровне повседневных практик категория этничности начинает использоваться как организующий, направляющий и объясняющий социальные взаимодействия фактор [Краснопольская, Солодова 2013, с. 33]. Формирование социальной идентичности в таком ключе следует воспринимать как выстраивание границ между своим сообществом и всем остальным миром, при этом нарративы такого становления должны опираться на значимые для сообщества символы и иметь хотя бы некоторые реальные аналоги в прошлом и настоящем [Барт 2006, с. 17].

Нынешнее время – это период коррозии традиционных идентичностей, локализации и переплетений практик самоидентификации. Наиболее радикальные авторы утверждают, что российская общегражданская идентичность как социальная реальность не существует, она навязана населению информационными кампаниями федерального и регионального уровня, говорящими о «стране», «россиянах», «российской нации» [Вахитов 2022, с. 179], в реальности же Россия – это совокупность местных сообществ. Более взвешенным представляется подход, согласно которому в настоящее время происходит движение в сторону локальных идентичностей (Донбасс, Каталония, Шотландия и другие [Мокин, Барышина 2023, с. 133]) и «новых локальностей», искусственно конструируемых регионами для туристических или иных целей (например, «родина Йети» в Кузбассе или «родина Деда Мороза» в Вологде) [Морозов, Слепцова 2018, с. 30].

В России эти общемировые процессы накладываются на проблему «мнимых псевдоэтнонимов» вроде «татар», «алтайцев», «дагестанцев» и других экзотнонимов, которые за минувший век из территориальных превратились в этнические [Квашин, Бакиева 2021, с. 136]. Это приводит к специфическим российским феноменам, особенно в национальных республиках в составе РФ, где этническое переплетается с сугубо географическим. Например, для жителей Чувашской Республики «чуваш» и «житель Чувашии» – это разные идентичности, при этом респонденты допускают наличие у человека более одной национальности и более одного родного языка в любых сочетаниях (родной язык чувашский при национальности «русский» и наоборот [Бойко, Долгова, Харитоновна 2021, с. 108]). Возникновение такого рода феноменов во многом связано с советскими практиками национально-территориального строительства, когда изначально территориальная идентификация фактически превращалась в этническую, а политонимы – в этнонимы. В таком контексте сибирскую идентичность следует воспринимать в одном ряду с остальными локальными идентичностями на территории России за исключением того факта, что у Сибири не было и нет конституционно-правовой национально-территориальной локализации.

В качестве методологической рамки критериального определения идентичности автор статьи использовал интеграционный подход, основанный на работах

академика В.А. Тишкова, социолога М. Вебера, современных исследователей коллективной исторической памяти и других авторов. В.А. Тишков определяет следующие компоненты идентичности (имея в виду прежде всего этническую идентичность) – общие названия и элементы культуры, миф (версия) об общем происхождении и общая историческая память, ассоциирование себя с особой территорией и чувство солидарности [Тишков 2003, с. 60]. Экономист и социолог Макс Вебер писал, что этническая группа – это сообщество, члены которого «обладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции» [Weber 1968, р. 17]. Геродот полагал, что греки, несмотря на свою географическую и политическую раздробленность, образуют единый народ, поскольку они имеют общие происхождение, язык, единых богов, священные места и религиозные празднества, обычаи, нравы и взгляды на жизнь [Хакимов 2017, с. 12].

Нетрудно заметить, что у перечисленных авторов (их список можно продолжать другими исследователями, например: [Ассман 2014; Касториадис 2003; Бурдые 2005 и другие]) идентичность сводится к трем компонентам – территориальной самоидентификации, общим сюжетам исторической памяти (мифы об общем происхождении, «общая память о миграции» и т. п.) и культурным практикам, разделяемым данной социальной группой (элементы культуры, общие боги, обычаи). Эти составляющие и будут использоваться для анализа сибирской идентичности. В случае наличия всех трех составляющих можно будет сделать вывод об обоснованности претензий сибирской территориальной идентичности на этнический/национальный характер.

Слабое звено существующих исследований сибирской идентичности заключается в отсутствии или ограниченности исторического компонента. Об этом, в частности, прямо говорят авторы единственной монографии, посвященной сибирской идентичности, А.А. Анисимова и О.Г. Ечевская [Анисимова, Ечевская 2012, с. 15]. Это часто приводит к дисциплинарным и терминологическим коллизиям: например, устоявшийся среди историков термин «историческая память» заменяется социологами-авторами тематических исследований терминами «самоопределение» или «рефлексия наций опыта своего государственного развития» [Кирдина-Чэндлер 2019, с. 7] и даже «ностальгия» [Морозов, Слепцова 2020, с. 214]. При этом если исследователи и касаются исторических аспектов коллективной самоидентификации, то вопросы сосредотачиваются в основном на школьном курсе истории, который в России предельно москвоцентричен [Летняков 2023, с. 110]. Представляется, что в силу именно этого фактора в актуальных исследованиях региональной идентичности доминирует или археологический, или советский периоды локальной истории [Зимовина, Проданцов 2022]. Предложенный в этой статье анализ проводился историком, поэтому внимание здесь уделяется всему спектру локальных исторических проблем с использованием актуального инструментария исторической науки.

Материалами анализа стали архивы, личные записи, публикации в СМИ, а также результаты исследования, проведенного автором в декабре 2022 г. методом удаленных фокус-групп в девяти городах Сибири и Урала – Перми, Тюмени, Омске, Новосибирске, Барнауле, Кемерове, Томске, Красноярске, Иркутске. В каждой из фокус-групп приняли участие от шести до восьми человек из числа людей,

постоянно проживающих в соответствующем городе. В группах присутствовали пенсионеры, рабочие, работники государственного сектора, работники частного сектора по найму, студенты. Кроме того, группы были гендерно сбалансированы: ни в одной из групп не было абсолютного большинства мужчин или женщин, тех и других было не менее 1/3 группы. Дискуссия проводилась дистанционно при помощи российского сервиса «Яндекс.Телемост». Исследование было призвано заполнить значимую лакуну в научных работах о региональной сибирской идентичности, то есть проанализировать существующие дискурсы локальной исторической памяти. Респондентам задавались вопросы, и выяснялось их отношение к событиям, произошедшим в разные исторические эпохи, – завоевание Сибири Ермаком; отношения с местным автохтонным населением; горнозаводской период XVIII в.; развитие добывающей промышленности в XIX в.; «каторга и ссылки», XVIII–XIX вв.; переселенческое движение второй половины XIX – начала XX в.; открытие Транссибирской магистрали; Гражданская война в Сибири; советский период развития Сибири; нынешнее состояние дел в Сибири и отношения Сибири с федеральным центром и Россией в целом.

«Сибиряк» дореволюционный

В 1864–1865 гг. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» лидеры сибирских «областников»¹ Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев напечатали серию заметок с рассуждениями об особенностях жителей Сибири, и эти публикации можно считать первой масштабной попыткой конструирования сибирской идентичности. Статьи Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, несомненно, плод своего времени, когда по всей Европе ученые исследовали характеристики этносов и пытались выделить различающие их черты [Гурный 2021, с. 33].

В редакции «областников» «особость» Сибири сводилась к трем идеям – отсталости Сибири по отношению к России и Европе, негативным характеристикам развития Сибири в прошлом (например, ссылка) и позитивным перспективам в будущем, «особым чертам» в характере сибиряков («завоеватели», «открыватели новых стран», «дух авантюризма» и т. д.) [Шевцов 2011, с. 92]. Как видно, в этом наборе составляющих конструируемой сибирской идентичности есть зачатки всех выделенных нами выше характеристик идентичности – территориальные рамки (для «областников» Сибирь – это вся часть страны восточнее уральского хребта и севернее степей нынешнего Казахстана), общие сюжеты исторической памяти (ссылка, колониальная эксплуатация Сибири Россией) и даже некоторые культурные практики (коиными можно считать идею «покорения природы» и в целом пионерского освоения неизвестных земель, предпринимательство).

Другое дело, что все эти идеи невозможно рассматривать в качестве исторических оснований локальной идентичности. Если с территориальными рамками все было более или менее понятно (дореволюционная «Сибирь» – это совершенно

¹ «Областники» – движение сибирских интеллектуалов, возникшее в 1860-е гг. и провозглашающее особое положение Сибири в составе Российской империи. Вопреки расхожим стереотипам, «областники» не были сепаратистами, а выступали скорее за уравнивание Сибири в правах с остальной Россией (отмена ссылки, введение гласного суда и прочее).

определенно территория от Уральского хребта до Тихого океана), то набор специфических локальных исторических нарративов очевидно отсутствовал. Первая общедоступная версия истории Сибири «Летопись Сибирская» под редакцией Г.И. Спасского была издана только в 1821 г. Но эта, а также многие последующие работы не могли найти массовый отклик среди местного населения прежде всего по причине тотальной необразованности народа. Например, в Восточной Сибири в начале XX в. работали всего около 1,5 тыс. общеобразовательных учебных заведений, в которых учились примерно 85 тыс. чел. – не более 5% соответствующей возрастной страты [Линьков 1912, с. 517]. Поэтому и в начале XX в. местные исследователи констатировали, что работу по изучению края (в том числе исторического) необходимо начинать фактически с нуля. Так, в протоколе собрания Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества за 1901 г. читаем: «Собрание высказывается за то, чтобы задачей своей поставить собиране библиографии по Енисейской губернии» [ГАКК, Ф. 217]. Здесь же приведен подсчет источников по истории и природе Сибири в одном из крупнейших сибирских городов Красноярске – всего 97 изданий, включая ведомости, журналы и различные ежегодники.

Очевидно, что «областники» и другие местные интеллектуалы, пытающиеся сконструировать сибирскую идентичность, осознавали ограниченность своих усилий. Поэтому в попытках реконструировать локальный исторический нарратив они решили использовать грядущий юбилей – 300-летие присоединения Сибири к России – намечавшийся сначала на 1881 г., а затем перенесенный на 1882 г. О том, что будущий юбилей рассматривался «областниками» именно как отправная точка для конструирования стройного мифа локальной истории для современников, лидеры «областников» писали, не скрывая своих намерений. Еще в октябре 1877 г. Н.М. Ядринцев в газете «Сибирь» высказывал опасения, чтобы грядущий 300-летний юбилей «не вышел бы сухим археологическим праздником без всякого отношения к современной жизни» [Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. 2009, с. 247]. Это же в своей известной статье «Нужды Сибири» отмечал и другой известный «областник» Г.Н. Потанин: «Какую картину будущего благополучия области ни нарисуй, она не увлечет сибирского общества, не заставит его задуматься над судьбой своей области» [Серебренников 2002, с. 35].

Учитывая обзорный характер этой статьи, опустим дальнейшие детали и перейдем к выводам: стройный нарратив локальной исторической памяти, разделяемый местными жителями, «областникам» сибирским интеллектуалам сконструировать не удалось. Сказанное справедливо не только к среднестатистическому малообразованному жителю дореволюционной Сибири, но и к ее деловой элите. Приведем только один пример, доказывающий этот тезис. В Государственном архиве Красноярского края хранится дело Красноярской городской управы «О принятии на счет города расхода 758 рублей 45 копеек, употребленных на празднование 300-летия присоединения Сибири к России». В рамках этого дела в управу поступило заявление от местного купца Ивана Гадалова, который вместе со своим партнером понес расходы на празднование в размере 1117 рублей 45 копеек (из которых самой значительной статьей расходов значились «Вина и столовые припасы», 879 рублей 70 копеек), притом что собрать среди местных граждан по подписке удалось только 309 рублей 50 копеек. Местным предпринимателям был настолько неинтересен сам повод празднования, что они проголосовали про-

тив нарождающихся локальных нарративов «исторической памяти» самым эффективным способом – собственным рублем.

Можно с большой долей вероятности предположить, что в рассматриваемый период среди населения, проживающего от Урала до Тихого океана, отсутствовали какие-либо общие и устойчивые культурные практики, как бы местным элитам ни хотелось их искусственно сконструировать в своих работах или «разглядеть» в отдельных этнографических исследованиях. Б.В. Струве, сопровождавший иркутского губернатора Н.Н. Муравьева (тогда еще не «Амурского») в экспедиции на Камчатку в 1849 г., описывал другой характерный эпизод: «Муравьев хотел непременно видеть самое большое русское село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого решил сделать порядочный круг. <...> Каково же было наше удивление, когда мы убедились, что редкий из русских крестьян этой слободы умеет говорить по-русски» [Струве 2012, с. 36]. Если и существовали в конце XIX – начале XX в. какие-либо общие культурные практики «сибиряков», то такими практиками следует считать подобную чересполосицу традиций и языков.

Поэтому когда оппоненты «областников» уже перед Первой мировой войной писали, что «пресловутый “сибирский патриотизм” обратился в самодовольное сибирское “шапками закидаем” и в застольное бахвальство» [Шевцов 2011, с. 93], с ними следует согласиться. Дореволюционная сибирская идентичность только в самом отдаленном виде напоминала этническую или национальную: выраженная в самых общих чертах и не имеющая значительной поддержки среди населения, эта конструкция в ходе революции 1917 г. и последовавших за нею событий «развевалась как пыльца перед ветром перемен, так и не укоренившись на сибирской почве» [Шевцов 2011, с. 93].

«Сибиряк» советский и постсоветский

Послереволюционное развитие конструкта сибирской идентичности нельзя рассматривать без внимания к развитию институтов, способствующих укоренению массовых практик «правильной» коммеморации событий прошлого – прежде всего медиа и всеобщего школьного образования. Именно эти два компонента следует рассматривать в качестве оснований для «советской сибирской» идентичности.

Уже в одном из первых советских фильмов, посвященных Сибири, «Золотое озеро» (1935 г., режиссер В. Шнейдеров) зрителям демонстрируются образ и нарратив, которые на десятилетия вперед определяют представления советских граждан о жителях восточной части страны, но главное – повлияют на представления сибиряков о самих себе [Савельева 2015, с. 16]. По сюжету в сибирскую тайгу (нарратив «первозданная природа») приезжают геологи – героизированные персонажи (такие же, каким был и остается в коллективной памяти, например, Ермак), которые борются не только с природными, но и с антропными трудностями – с бандой золотоискателей (нарратив «свой-чужой»).

Исследователи, специализирующиеся на анализе кинематографических нарративов о Сибири, отмечают, что сконструированный на экране образ типичного «сибиряка» полон «пафоса свершений», идей, безусловно, прогрессивной роли московского правительства (широко понимаемых «русских»), представлений

о суровом климате, который формирует «уникальный сибирский характер» – стойкость, выдержку, решительность. Вне зависимости от сюжетных линий, такова матрица значительного количества фильмов о Сибири – от «Ермака» до «Во глубине сибирских руд...», от «Парня из тайги» до «Ждите писем» и «Люди на мосту». Е.В. Головнева и И.А. Головнев в своей статье, посвященной анализу нарративов о Сибири в кинематографе, пишут: «Эти сюжеты способствовали формированию гетеростереотипов и автостереотипов, связанных с Сибирью и “сибирской тематикой”, стали эффективным средством конструирования образа Сибири у зрительской аудитории разных поколений и продолжают воспроизводиться до сих пор в современном массовом сознании» [Головнева, Головнев 2017, с. 122].

Аналогичные образы конструирует и культурно-образовательная сфера (включая музеи и школы). В традиционный нарратив исторической памяти встраивается былинный образ Ермака как борца за «простой народ», легендарного командира и человека, который силой прокладывает местному населению путь «в цивилизацию»: в таком образе благодаря влиянию марксистских историографических концепций он в дальнейшем будет фиксироваться в локальном фольклоре XX в. [Блажес 2002]. И еще один образ к общенациональному историческому нарративу о Сибири добавляют индустриализация и Великая Отечественная война: каждый советский школьник знал, как сибирские дивизии спасли Москву в 1941 г., а оборонная мощь страны ковалась на сибирских заводах (в том числе эвакуированных). Этот набор мифов прекрасно выразил в своем коротком стихотворении «Я – с Урала» пермский поэт-шестидесятник В.И. Радкевич: «Была Москва щедра и широка. / При мне с какой-то непонятной лаской / Одни припоминали Ермака, / Другие – корпус танковый уральский» [Радкевич 1968, с. 7].

Вслед за дискурсами медиа, образования и культуры Советская Сибирь и советские сибиряки стали идентифицировать себя как потомки Ермака и первых покорителей востока страны. Вот характерная публикация в «Камчатской правде» от 19 февраля 1961 г., в которой член крайкома КПСС И.В. Ковалев, выступавший с докладом в поселке Атласово Камчатской области о первых походах Атласова и других русских поселенцев, резюмировал: «И вот теперь в эти места пришли лесозаготовители, пришли не с топором, а с тракторами, бульдозерами, бензопилами. И мужества, и отваги у них не меньше, чем у первых русских землепроходцев» [Васильев 2011, с. 133]. В поддержку этих нарративов работали и краеведческие музеи: так, в декабре 1951 года в Красноярском краевом краеведческом музее открылась выставка «Присоединение Сибири к Русскому государству (XV–XVII вв.), где один из разделов так и назывался «Прогрессивная роль русского народа в Сибири в XVII – XVIII веках» [ГАКК, Ф. 795]

В идеях особого климата коллективизма, романтики первооткрывателей и представления о государстве (воплощенном, прежде всего, в московском правительстве) как символе прогресса и могущества для «отсталой Сибири» не было ничего оригинального – аналогичные нарративы создавали в своих работах конца XIX в. и сибирские «областники». Другое дело, что «сибиряк советский» – это такой житель востока страны, который благодаря медиа массово поверил, что он именно такой, а никакой другой. Исключительно с этим исследователи связывают ситуацию, когда «сибиряками» в Зауралье называют себя чаще жители пенсионного возраста [Плотникова 2015, с. 250], и это результат успешной советской пропагандистской кампании «сибирства».

Как и в случае с дореволюционными практиками советское конструирование «сибиряка» не привело к появлению локальных специфических (то есть не являющихся функциями от общенациональных) нарративов самоидентификации. В результате все современные исследования постсоветской сибирской идентичности показывают некоторый парадокс. С одной стороны, по данным лонгитюдных исследований, самоидентификацию «сибиряк» в 1994 г. отмечали как подходящую для себя 19% жителей Сибири, а в 2010 г. – уже 75% [Жигунова, Ремнев, Суворова 2014, с. 57]. С другой стороны, как только исследователи начинали задавать вопросы о составляющей этой идентичности, респонденты терялись и перечисляли короткий перечень довольно банальных для любой региональной идентичности в России компонентов:

– во-первых, это суровая природа и обширная территория [Жигунова, Ремнев, Суворова 2014, с. 59];

– во-вторых, некоторый набор идей, функционально зависимых от общенационального исторического нарратива, – уже упоминавшийся Ермак и в целом пафос колонизации края, противопоставление Сибири и России [Бочаров 2011, с. 99], в том числе специфическое – например, «сибирские труженики» и «московские торгаши» [Щербаков 2004, с. 120];

– в-третьих, специфический характер местного населения, составляющими которого респонденты чаще всего называли упорство, искренность, благожелательность, толерантность, коллективизм [Анисимова, Ечевская 2012, с. 30].

Вспоминая о локальных исторических событиях, в различных опросах жители сибирских регионов называли в основном Ермака, события советского периода истории, провозглашение суверенитета Республики Алтай для жителей этого региона или «тюркское наследие» для южных республик Сибири [Дерендяева, Чернышов 2021, с. 28].

Таким образом, советский период оставил очертания сибирской идентичности еще более размытыми: ее территория оказалась зажатой между двумя другими сильными макрорегиональными идентифицирующими понятиями «Урал» и «Дальний Восток», исторический нарратив тесно и устойчиво переплелся с общенациональным историческим мифом, а культурные практики – с советской культурной традицией за исключением национальных республик, которым по статусу полагалось иметь все составляющие этнической/национальной идентичности.

Где начинается и заканчивается Сибирь?

В таком виде генезис сибирской идентичности подошел к постсоветскому (современному) периоду. Анализ современного состояния дискурсивного поля сибирской идентичности и ее претензий на национальный/этнический характер будет сделан с опорой на результаты фокус-групп, проведенных в девяти городах Сибири и Урала (Перми, Тюмени, Омске, Новосибирске, Барнауле, Кемерово, Томске, Красноярске, Иркутске), и на основе критериальных характеристик определения идентичности – территориальной самоидентификации, общих сюжетов исторической памяти, разделяемых данной социальной группой, культурных практик.

Начнем с территориальной самоидентификации. Этот вопрос не праздный, поскольку в результате реформ федеративного устройства РФ в начале 2000-х гг. – создания федеральных округов – оказались размыты не только восточная граница «Сибири», но и ее западный рубеж (Тюменская область, как известно, является частью Уральского федерального округа). Казалось бы, это – далекий от обывателя бюрократический вопрос, однако проведенное исследование фиксирует его влияние на территориальную самоидентификацию, определяя ее размытость.

«Сибирью» считают свой город жители Новосибирска, Томска, Иркутска, Красноярска, Барнаула, Кемерова. Пермьки однозначно сказали, что Пермь – это Урал, а некоторые тюменцы ассоциировали себя одновременно и с Сибирью, и с Уралом.

«Я думаю, что Тюмень – это что-то среднее. Мне кажется, Тюмень относится и к тому, и к тому» (Тюмень).

«Что такое Сибирь? Это, ну, часть материка Евразия, ближе к северу, что-то такое, наверное. Также, мне кажется, каких-то закрепленных границ, которые всем известны, эта область как будто не имеет» (Тюмень).

«Сибирь определяется климатически для меня. Это особая зона, где есть снег всегда зимой, где летом тепло, а зимой холодно» (Томск).

«Для меня Сибирь сразу в голове визуализируется, как выглядит на карте России, то есть как федеральный округ» (Красноярск).

Таким образом, Сибирь как локация для территориальной самоидентификации в репрезентации опрошенных представляет собой область с размытыми границами. Существовавшая в советский период неформальная локализация Сибири от Урала (что само по себе нечеткая граница) до Тихого океана в 2000-е гг. оказалась размыта в результате реформы федеративного устройства, что, в частности, привело к кризису территориальной самоидентификации жителей Тюмени и дезориентировало жителей остальных регионов. Это подтверждает устойчивость результатов, полученных исследователями 15–20 лет назад: так, уже в 2000–2010-х гг. сибирская идентичность была важной для жителей Алтая, Тувы и Хакасии (от 22 до 27% опрошенных), и только 7% жителей Якутии посчитали ее таковой [Мадюкова, Персидская, Попков 2017, с. 75] (Якутия с 2000 г. входит в состав Дальневосточного федерального округа).

Что такое «история Сибири»?

В исследованиях исторической памяти фокус-группы начинались с неформирующих, общих вопросов, касающихся истории Сибири в целом: «Какое событие в истории Сибири, Урала (для пермяков и для тюменцев через запятую с «Сибирью») Вы считаете самым важным? Почему?», «А вообще историю этих мест можно считать интересной? В чем этот интерес?». На этом этапе наши респонденты признавали, что не считают себя большими знатоками истории Сибири, хотя

при этом историю Сибири, как и историю любой другой местности, считают интересной, хотя, в чем этот интерес, чаще всего ответить затрудняются).

«Что-то я даже не знаю. Но, вообще, у нас история богатая. Вообще, России, Руси. Всего СССР. А именно Сибири – а что у нас в Сибири?» (Новосибирск).

«История Сибири, безусловно, это интересная вещь. Тем более, я уверен, что знаем мы из этой истории, наверное, процентов 20–30 всего, не более того. Мы не знаем, только можем предполагать то, что было раньше на месте Сибири, на месте Томска, где мы живем» (Томск).

«Мы не знаем истории, и это проблема огромная. У нас тут Батый не ходил, у нас Ледового побоища здесь не было, князья сюда и никакие немцы не дошли, не били мы их здесь как, например, где-то там копнешь, и там каски, снаряды до сих пор находятся. А у нас этого как бы нет, на первый взгляд, да? И свою историю мы не знаем» (Кемерово).

Дискуссия оживлялась, когда респондентам задавались более конкретные вопросы, касающиеся в основном известных им фигур – Ермака и первопроходцев в целом: «Давайте оценим, кем для Сибири был Ермак? Что он сделал? Как Вы это оцениваете? А кем тогда был Кучум? Знакома ли Вам фамилия Строгановых, как они повлияли на историю освоения Сибири, Урала?»; «Далее в истории Сибири появилась когорта таких людей, которых называли первопроходцами. Кого из них Вы помните, знаете? Как их деятельность отразилась на освоении Сибири, конкретно тех мест, где Вы проживаете?». Ермак и первые десятилетия завоевания и освоения Сибири практически повсеместно оценивались положительно, хотя в некоторых городах и говорили о «нюансах», связанных с завоевательным характером его походов; и в абсолютном большинстве городов именно поход Ермака сочли важнейшим событием в истории Сибири. Участники фокус-групп отмечали, что он решал государственные задачи, был посланником русского царя, а главное достижение легендарного атамана – присоединение Сибири к России, что привело к дальнейшему ее заселению и освоению.

«Ну, конечно, он сделал <...> присоединение к России, к русским землям. Ну, положительно, да, я думаю, что открыл для нас Сибирь и возможности разные» (Новосибирск).

«Я бы, скорее, оценил Ермака именно как для Российской империи, <...> не как первопроходца и военного, а, скорее, как политика. Потому что ему <...> именно приходилось очень-очень много договариваться» (Иркутск).

При этом максимальным уровнем «поддержки» Ермак заручился в Томске (здесь даже считают его едва ли не основателем города) и Новосибирске, чуть меньше в Барнауле, Омске и Тюмени, минимальным – в Иркутске и, как ни странно, в Перми (учитывая, что именно из пермских вотчин Строгановых и начался поход Ермака). Причем в его «защиту» (относительно участия в пермской истории)

не высказывались даже те, кто знал о наличии артефактов – памятников или названий на территории Пермского края. Ермак для участников фокус-групп представлялся символом прогрессивного развития края, его интеграции в более развитую метрополию.

«Одним из самых важных событий в становлении Сибири – это, в принципе, присоединение Сибирского ханства Ермаком Тимофеевичем, в 1580-х, кажется, это было. То есть оно положило основание к тому, что туда начали переселяться русские люди. Потому что до этого это было, насколько я помню, Сибирское ханство» (Барнаул).

«Ну, первое, что в голову пришло, я в истории тоже так не шибко, но то, что мне про Тюмень известно – это то, что Тюмень – первый вообще город в Сибири, и от этого как бы Ермак начал изучение Сибири» (Тюмень).

«Я не могу оценить однозначно. Но, скорее, больше положительного, потому что вроде бы мы живем так, что если в каком-то техническом, экономическом или еще каком-то плане некая территория отстает, то все оставшееся в округе начинают эту территорию, людей, которые на ней находятся, подпирать. Вот это с Ермаком и произошло. Ну, точнее, руками Ермака это было и сделано» (Томск).

«Мне кажется, все-таки поход Ермака – это больше про завоевание Сибири. Вот мне почему-то так кажется. Или, кажется, он как-то транзитом через нас прошел. Тут у нас что особо завоевывать-то было? Коми-пермяков, которые там по лесам сидели? Я даже не знаю, тут особо завоевывать-то, мне кажется, нечего было» (Пермь).

«Если бы Ермаком не была освоена Сибирь, возможно, эти многие века они жили бы в том же ключе, как они были до освоения Сибири. И кто же знает, может быть, их бы это и устранивало» (Новосибирск).

Таким образом, присоединение Сибири респонденты посчитали ключевым событием в истории Сибири, Ермака – символом прогрессорства, который принес цивилизацию на незаселенную и неразвитую территорию. Это классический набор идей, берущий свое начало, по меньшей мере, в работах сибирских «областников», развитый в советских фильмах и краеведческих музеях, и успешно доживший до наших дней. Если это и можно считать мифом об общем происхождении, то это миф, скорее, связанный с общероссийской, чем с локальной историей.

Аналогичные проблемы просматриваются и с мифом об основателях. Как правило, «основатели» (за редким исключением) находятся в восприятии участников фокус-групп в пределах конца XIX – начала XX в. и связаны все с тем же освоением края, разработкой ресурсов, развитием инфраструктуры.

«Важное ли событие в истории Сибири строительство моста через Обь? Важное. Благодаря строительству этого моста железнодорожного, собственно, и появился третий город страны Новосибирск» (Новосибирск).

«Вот у меня в голове вспоминаются события только самые основательные. Именно основание Перми. Это 1723 год, получается, как я помню. А число, получается, помоему, 12 июля» (Пермь).

«Ну да, самое главное – уголь нашли. Здесь месторождение угля, здесь мы работаем теперь, добываем уголь» (Кемерово).

В коллективной памяти жителей сибирских городов очень абстрактно понимаемый дорусский период сибирской истории перекликается с советским бурным развитием макрорегиона и противопоставляется ему. Среди доминирующих, определяющих все дальнейшее развитие территории локальных исторических сюжетов в Перми респонденты выделяли горнозаводской период, в Тюмени – Ермака, в Омске – Ермака, ссылку, Колчака, в Новосибирске – Транссиб, в Барнауле – горнозаводской период и дореволюционный переселенческий бум, в Томске – Ермака и события конца XIX в., в Кемерове – освоение Кузбасса, в Иркутске – декабристов и ссылку. При этом все респонденты вне зависимости от региона проживания определяют советский период как один из ключевых, едва ли не доминирующий в локальной истории.

История Сибири воспринималась участниками фокус-групп как нелинейный, разорванный во времени и внутренней логике развития процесс: с одной стороны, древние племена и их миграции, анахроничные культура и быт коренных народов, с другой, актуальная история региона, начавшаяся с завоевания Сибири русскими и продолжившаяся в советский период ресурсным и инфраструктурным освоением края. Первое – нечто абстрактное и далекое, второе – собственно, локальная история.

«Я бы выделил такие события, если совсем в глубоком историческом контексте, то это заселение территории Сибири древними людьми. Потому что до сих пор еще находят очень много археологических находок» (Красноярск).

«Ну, мне, например, из истории очень интересно, вообще, появление людей на территории Сибири. То, как древние племена проходили туда дальше на север, зачем они туда шли, и как потом образовывались эти малочисленные коренные народы. Как появлялись их культура, быт. У них же у всех все разное, у каждого племени, у каждой малой народности» (Тюмень).

«<...> мы Сибирь-то знаем только последние лет триста. До этого мы практически ничего про нее не знаем. Как тут жили, кто тут что делал» (Барнаул).

Эта «история» – точно такая же (не больше и не меньше), какой респонденты видели ее в ближайшем краеведческом музее и в последнем просмотренном фильме о Сибири.

Кто такие «сибиряки»?

Наконец, коротко остановимся на анализе современных общераспространенных культурных практиках жителей Сибири, которые могли бы считаться уникальными и конституирующими локальную идентичность.

Сибирь ожидаемо определялась респондентами через климат и территорию, но не через уникальные культурные практики, а сами сибиряки – через принадлежность к этой территории. Они вроде бы чем-то и отличаются, но чем конкретно – на этот вопрос респонденты всегда затруднялись ответить.

«Сибирь определяется климатически для меня. Это особая зона, где есть снег всегда зимой, где летом тепло, а зимой холодно. А во-вторых, это те люди, которые <...> называются сибиряками, и они достаточно сильно отличаются от других, которые живут в других регионах России» (Томск).

«Поскольку у нас особенный климат, особенности разные, мы расстояния по-другому мерим. Для нас 600 километров не очень сложно <...> проехать. Можно и два раза успеть» (Иркутск).

«Я, когда говорят о Сибири, говорю: “Да, зимой очень холодно”. Для меня Сибирь – это холодно, морозно» (Кемерово).

«Это хмурый народ. Я много езжу по России, и у нас, конечно, люди очень мало улыбаются, очень мало веселятся» (Пермь).

«Здесь действительно эта сибирская суровость, какая-то такая стойкость и перед погодой, и стихией, и перед природой» (Барнаул).

Сталкиваясь с необходимостью самоанализа, критического осмысления навязанных автостереотипов о Сибири и сибиряках, респонденты терялись и в итоге приходили к выводу о размытости локальной идентификации и отсутствии значимых социально-культурных различий между сибиряками и остальными жителями России.

«Но все равно я сибирячка, я же тут живу, родилась. Я люблю свой Новосибирск. Я не хочу его менять на Москву» (Новосибирск).

«Я считаю себя сибиряком. Хочу я этого, не хочу – я сибиряк. Можно переехать из Сибири, но Сибирь из меня уже никогда в жизни не переедет, куда бы я ни попал» (Барнаул).

«Да, я сибиряк. Кажется, что в силу своей профессии ты еще больше становишься сибиряком, ощущаешь себя заодно с углем, с нашей добычей. Поэтому все равно мы, сибиряки, как-то отличаемся немножко от других людей» (Кемерово).

«Я себя идентифицирую как сибирячку. Я говорю, что я из Сибири. Мне почему-то такая форма больше импонирует и больше нравится. Потому что она показывает, ну, не знаю, для меня это какое-то движение, откуда я произошла» (Красноярск).

«Если честно, я особых отличий не назову. Как бы, сколько ни общался с людьми, но мы все одни и те же по общим мотивациям» (Пермь).

«Я считаю, что люди могут отличаться только интеллектом и культурой, а в остальном мы, россияне, все одинаковые» (Кемерово).

Обсуждение результатов

Тезисные итоги исследования конструирования сибирской идентичности и их систематизация в наглядном виде представлены в *таблице 1*, подтверждающей тот факт, что если измерять сибирскую идентичность теми критериями, которые современная наука применяет к прочим этническим/национальным идентичностям, то ее претензия на подобный статус выглядит неубедительной. В каждом

из элементов, которые были использованы для анализа сибирской идентичности, встречались только отдельные, крайне смазанные характеристики специфических локальных практик самоидентификации. В части территориальной самоидентификации восточная и западная граница Сибири оказываются размытыми: в Тюмени и Якутии самоидентификация является, по сути, смешанной «урало-сибирской» и «сибирско-дальневосточной» соответственно. Это обстоятельство вносит дезориентацию и в самоидентификацию жителей «ядра» Сибири. Если неясны границы, то и территориальная идентификация переходит из географических категорий, например, в климатические: «Сибирь – это там, где холодно».

Таблица 1. Этапы генезиса сибирской идентичности в критериальных параметрах исследования

Составляющие идентичности	Период генезиса идентичности		
	середина XIX – начало XX в.	советский	постсоветский (современный)
Территориальная самоидентификация	В среде интеллектуалов Сибирь – территория от Урала до Тихого океана. Для среднего жителя Сибири – вероятно, узколокальная, в пределах территории проживания.	Сибирь – территория между макрорегионами Урал и Дальний Восток, часто – включая последний, территория в границах РСФСР между Уралом и Тихим океаном (исключая север Казахстана).	В связи с федеративной реформой 2000 г. и появлением федеральных округов границы Сибири – размытые. Тюменская область на западе, Якутия и Забайкалье на востоке – территории смешанной самоидентификации.
Общие сюжеты локальной исторической памяти	Для интеллектуалов ключевое событие локальной истории – присоединение Сибири. Для среднего жителя Сибири – вероятно, героический образ Ермака, взятие Сибири (в крайне ограниченном распространении).	Образ Ермака гиперболизируется до былинного богатыря и борца за народную свободу. К нему добавляется нарратив решающего участия Сибири в Великой Отечественной войне. Современные сибиряки репрезентируются как продолжатели «дела Ермака», первооткрыватели.	История Сибири мыслится как разорванный во временах процесс, где ключевые события – существование «доисторических» аборигенных племен, завоевание Ермака, советское освоение Сибири. В отдельных городах присутствуют и локальные события.
Общие культурные практики	Фактически отсутствуют. Культурное пространство представляет собой чересполосицу, смешение традиций и языков.	Растворены в общенациональных практиках, за исключением национальных республик, где культивируются этнические особенности.	Растворены в общенациональных практиках, за исключением национальных республик. Или остаются автостереотипами внешнего происхождения, разрушающимися при критическом осмыслении (например, «сибирский характер» или «сибирская кухня»).

Аналогичная ситуация прослеживается и с категориями исторической памяти. Начиная с «областников» в локальных практиках коммеморации доминируют дискурсы, производные от общенациональных, а основные события сибирской

истории связываются с действиями московского правительства, понимаемого как воплощение государства в целом. В проведенных фокус-группах история Сибири репрезентируется как набор слабо связанных между собой событий, где на смену абстрактным древним племенам внезапно приходит цивилизатор Ермак, а затем через какой-то неясно представляемый промежуток времени происходит советское индустриальное проникновение. Понимаемую таким образом историю сибиряки воспринимают как локальную, но в действительности ее можно оценить как функционально производную от общенационального исторического нарратива.

Наконец, анализ общих культурных практик демонстрирует наличие некоего навязанного извне набора автостереотипов, граничащих с претензией на квазиэтничность, – например, «сибирская кухня» или «сибирский характер». Однако, как показывают результаты фокус-групп, критический самоанализ этих культурных практик приводит к выводу, что «сибиряки» ничем не отличаются от жителей других регионов страны.

Таким образом, сибирская идентичность может лишь отчасти претендовать на статус этнической/национальной, поскольку значительное количество ее характеристик с учетом критериальной рамки настоящего исследования являются неспецифическими, во многом типичными для российских регионов. При этом наличие отдельных примеров, идентифицирующих сибиряков как квазиэтническую сущность, как и самой по себе идеи о существовании сибирской идентичности в целом, разделяет значительное количество жителей восточных регионов страны. В парадигме социально-конструктивистского подхода это может означать, что на этих территориях существуют значимые для общества символы, которые в будущем и при определенных условиях способны служить конституирующими основаниями для появления сибирской этнической/национальной идентичности.

Список источников

- Анисимова А.А., Ечевская О.Г. (2012) Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ.
- Ассман А. (2014) Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ.
- Барт Ф. (ред.) (2006) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство.
- Блажес В.В. (2022) Фольклор Урала. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Бойко И.И., Долгова А.П., Харитоновна В.Г. (2021) О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. № 1(53). С. 104–120. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120
- Бочаров А.В. (2011) Сибирская региональная идентичность в контексте исторического сознания (по результатам контент-анализа томских СМИ) // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4. С. 93–100 // <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6190>, дата обращения 16.01.2024.
- Брубейкер Р., Купер Ф. (2002) За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. № 3. С. 61–115. DOI: 10.1353/imp.2002.0025
- Бурдые П. (2005) Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Васильев В. (2011) На берегу таежной реки // Камчатский Ермак. Петропавловск-Камчатский: Новая книга. С. 127–133.

- Вахитов Р. Р. (2022) Особенности провинциальной России // Мир России. Т. 31. № 4. С. 179–184. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-179-184
- Головнева Е.В., Головнев И.А. (2017) Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. № 1(159). С. 114–123 // <https://elar.ufu.ru/handle/10995/46591>, дата обращения 16.01.2024.
- Государственный архив Красноярского края. Ф. 217. Оп. 1. Д. 9.
- Государственный архив Красноярского края. Ф. 795. Оп. 1. Д. 64.
- Гурный М. (2021) Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. (2009) Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск.
- Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. (2021) Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. № 6(122). С. 24–31. DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-03
- Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. (2014) Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. № 2(12). С. 48–63 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26246689>, дата обращения 16.01.2024.
- Зайнутдинов А.Э. (2012) Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. № 6(65). С. 335–343 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/bchtg417ss/direct/134069668.pdf>, дата обращения 16.01.2024.
- Зимовина Е.П., Проданцов К.С. (2022) Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. № 2. С. 7–27. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27
- Казанцев Д.А., Качусов Д.А. (2021) Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока // Социальные и гуманитарные знания. Т. 7. № 2. С. 134–145. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-134-145
- Калхун К. (2013) Национализм. М.: Directmedia.
- Касториadis К. (2003) Воображаемое установление общества. М.: Гнозис, Логос.
- Квашнин Ю.Н., Бакиева Г.Т. (2021) Сибирские татары перед выбором – сохранить или потерять родной язык // Вестник антропологии. № 1(53). С. 133–148. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/133-148
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019) К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24
- Краснопольская И.И., Солодова Г.С. (2013) Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. № 12(356). С. 26–34 // https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_12/Krasnopolskaya_Solodova.pdf, дата обращения 16.01.2024.
- Летняков Д.Э. (2023) Историческая память российского общества: к построению агонистической модели // Мир России. Т. 32. № 1. С. 109–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129
- Линьков А. (1912) Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. № 7. С. 505–534.
- Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. (2017) Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 69–83. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6
- Мокин К.С., Барышная Н.А. (2023) Территориальная идентичность: сравнительный анализ Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики // Мир России. Т. 32. № 1. С. 130–158. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-130-158
- Морозов И.А., Слепцова И.С. (2018) Культурные трансформации и глобализационные тренды: к вопросу о статусе «новых локальностей» // Журнал социологии и социальной антропологии. № 21(4). С. 7–37. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.4.1

- Морозов И.А., Слепцова И.С. (2020) С пристрастием взглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. № 23(5). С. 195–224. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.8
- Нам И.В., Харусь О.А., Шевцов В.В. (2023) Практики конструирования сибирской идентичности (региональные и общероссийские интересы) // Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности. Томск: Издательство Томского университета. С. 112–176.
- Плотникова М.М. (2015) Локальная и региональная идентичность сибирских городов в XXI в. // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. С. 245–252 // <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/16662>, дата обращения 16.01.2024.
- Радкевич В.И. (1968) Уральская лирика. Пермь: Книжное издательство.
- Савельева Е.П. (2015) Художественно-образная модель Сибири и «Сибирская идентичность» в отечественном кино XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 4(20). С. 14–24 // <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000523029>, дата обращения 16.01.2024.
- Серебренников Н.В. (ред.) (2002) Дело об отделении Сибири от России. Томск: ТГУ.
- Струве Б.В. (2012) Воспоминания о Сибири (отрывки) // Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока. Т. 2. Владивосток: Русский остров. С. 36–37.
- Тишков В.А. (2003) Реквием по этносу. М.: Наука.
- Хакимов Р.С. (2017) Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. Т. 2. № 1. С. 6–27 // <https://historicaethnology.org/news/2017-t2-n1-1/>, дата обращения 16.01.2024.
- Шевцов В.В. (2011) Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. № 3. С. 92–99 // <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/636>, дата обращения 16.01.2024.
- Щербаков А. (2004) Все перемелет Сибирская мельница // Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции «70 лет Красноярскому краю: итоги и перспективы развития». Красноярск, 14 апреля 2004 г. Красноярск: Электробыттехника. С. 118–120.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York.

“Whether I Want It or Not, I’m a Siberian”: The Past and Present of Siberian Identity

---

S.A. CHERNYSHOV*

*Sergey A. Chernyshov – PhD in History, Senior Researcher, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Citation: Chernyshov S.A. (2024) “Whether I Want It or Not, I’m a Siberian”: The Past and Present of Siberian Identity. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43

This research was carried with a grant from the Russian Science Foundation (RSF), No. 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in November 2023.

Abstract

This article based on a social constructivist approach analyzes the past and present of Siberian regional identity. Three key components of identity are identified for analysis: territorial self-identification, common myths of local historical memory, and common cultural practices. It is hypothesized that Siberian regional identity, both historically and in modern symbolic practices, has sought and continues to seek the status of an ethnic group or nation. Therefore, the analysis criteria used by modern research for ethnic groups or nations can be applied.

The research materials include content analysis (CA) of media, archival data, personal materials, data from historical and sociological research, and original research conducted through remote focus groups in nine cities across the Urals and Siberia.

Based on these data, it is concluded that the claim of Siberian identity to quasi-ethnic or quasi-national status is generally unconvincing. Each element used for analysis reveals only extremely vague characteristics of the unique properties attributed to “Siberianism”. The modern territorial identity of “Siberians” is identified as vague and conditional. The mythology of local historical memory can be assessed as a derivative of the national historical narrative. General cultural practices are found to be a set of imposed auto-stereotypes, which are deconstructed on critical analysis.

Despite the significant number of characteristics of Siberian identity remaining entities without content, the idea of Siberian identity is shared by most residents of the eastern regions of Russia. This suggests the existence of a set of symbols significant to the local community, which, under certain conditions, could serve as the constitutive basis for the emergence of a Siberian ethnic (national) identity.

Keywords: regional identity, historical memory, Siberia, Siberians, federalism, identity

References

- Anisimova A.A., Echevskaya O.G. (2012) *Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization*, Novosibirsk: NGU (in Russian).
- Assman A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*, Moscow: NLO (in Russian).
- Barth F. (ed.) (2006) *Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Moscow: New publishing house (in Russian).
- Blazhes V.V. (2022) *Folklore of the Urals*, Ekaterinburg (in Russian).
- Bocharov A.V. (2011) Siberian Regional Identity in the Context of Historical Consciousness (Content Analysis of Tomsk Regional Media). *RUDN Journal of Sociology*, no 4, pp. 93–100. Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6190>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Bourdieu P. (2005) *Sociology of Social Space*, Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Boyko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. (2021) On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia. *Herald of Anthropology*, no 1(53), pp. 104–120 (in Russian). DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120
- Brubaker R., Cooper F. (2002) Beyond “Identity”. *Ab Imperio*, no 3, pp. 61–115 (in Russian). DOI: 10.1353/imp.2002.0025
- Calhoun K. (2013) *Nationalism*, Moscow: Directmedia (in Russian).
- Castoriadis K. (2003) *The Imaginary Establishment of Society*, Moscow: Gnosis, Logos (in Russian).

- Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2009) *Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822–1917)*, Irkutsk (in Russian).
- Derendyaeva A.D., Chernyshov Yu.G. (2021) Regional Identity and Historical Memory Policy: Experience of the Altai Territory and the Altai Republic. *Izvestiya of Altai State University*, no 6(122), pp. 24–31 (in Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-03
- Golovneva E.V., Golovnev I.A. (2017) The Image of Siberia in the Cinematographic Narrative: Approach of Constructivism. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, no 1(159), pp. 114–123. Available at: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/46591>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Gurnyj M. (2021) *The Great War of Professors. Humanitarian Sciences. 1912–1923*, Saint Petersburg (in Russian).
- Kazantsev D.A., Kachusov D.A. (2021) Regional Identity in the Minds of Young People in Siberia and the Far East. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, vol. 7, no 2, pp. 134–145 (in Russian). DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-134-145
- Khakimov R.S. (2017) Tatar Identity: Current State and Perspectives. *Historical Ethnology*, vol. 2, no 1, pp. 6–27. Available at: <https://historicaethnology.org/news/2017-t2-n1-1/>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Kirdina-Chandler S.G. (2019) Towards the Self-Determination of Russian Society: in Search of a Coordinate System. *Mir Rossii*, vol. 28, no 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24
- Krasnopolskaya I.I., Solodova G.S. (2013) Social Construction of Ethnicity. *Sociological Studies*, no 12(356), pp. 26–34. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_12/Krasnopolskaya_Solodova.pdf, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Kvashnin Yu.N., Bakieva G.T. (2021) Siberian Tatars Face a Choice – Save or Lose Their Native Language. *Herald of Anthropology*, no 1(53), pp. 133–148 (in Russian). DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/133-148
- Letnyakov D.E. (2023) The Historical Memory of Russian Society: Towards an Agonistic Model. *Mir Rossii*, vol. 32, no 1, pp. 109–129 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129
- Linkov A. (1912) The Growth of Education in Eastern Siberia. *Siberian Archive*, no 7, pp. 505–534 (in Russian).
- Madyukova S.A., Persidskaya O.A., Popkov Yu.V. (2017) Nationwide and Ethnic Identity of Young People of Ethnic Groups Living in Siberian Republics in a Comparative Perspective. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 3, pp. 69–83 (in Russian). DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6
- Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2023) Territorial Identity: A Comparative Analysis of the Saratov Region and the Republic of Kabardino-Balkaria. *Mir Rossii*, vol. 32, no 1, pp. 130–158 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-130-158
- Morozov I.A., Sleptsova I.S. (2018) Cultural Transformations and Globalization Trends: Addressing the Status of “New Localities”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no 21(4), pp. 7–37 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2018.21.4.1
- Morozov I.A., Sleptsova I.S. (2020) Peering into the Past with Passion: “Hell” and “Heaven” of the Soviet Era in Modern Museum Narratives. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no 23(5), pp. 195–224 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.8
- Nam I.V., Kharus O.A., Shevtsov V.V. (2023) Practices of Constructing Siberian Identity (Regional and All-Russian Interests). *Integration and Disintegration Potential of Identity in History and Modernity*, Tomsk, pp. 112–176 (in Russian).
- Plotnikova M.M. (2015) Local and Regional Identity of Siberian Cities in the XXI century. *Journal of Siberian Federal University. Humanitarian & Social Sciences*, pp. 245–252. Available at: <https://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/16662>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Radkevich V.I. (1968) *Ural Lyrics*, Perm (in Russian).
- Savelyeva E.P. (2015) The Artistic Model of Siberia “Siberian Identity” in Russian Cinema of the Twentieth Century. *Tomsk State University Journal*

- of *Cultural Studies and Art History*, no 4(20), pp. 14–24. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000523029>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Serebrennikov N.V. (ed.) (2002) *The Case of the Separation of Siberia from Russia*, Tomsk: TGU (in Russian).
- Shcherbakov A. (2004) The Siberian Mill Will Grind Everything. *The Edge of a Great Future. History, Reality, Perspective. Proceedings of the Conference “70 Years of the Krasnoyarsk Territory: Results and Development Prospects.”* Krasnoyarsk, April 14, 2004 Krasnoyarsk: ElektrobYTEKhnika, pp. 118–120 (in Russian).
- Shevtsov V.V. (2011) The Image of Siberia on Pages of Official and Private pre-Revolutionary Periodicals. *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, no 3, pp. 92–99. Available at: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/636>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- State Archives of the Krasnoyarsk Territory*. F. 217. Op. 1. D. 9 (in Russian).
- State Archives of the Krasnoyarsk Territory*. F. 795. Op.1. D. 64 (in Russian).
- Struve B.V. (2012) Memories of Siberia (excerpts). *Paths of Great Achievements. The Importance of Yakutia in the Development of the Far East. Volume 2*, Vladivostok: Russkiy ostrov, pp. 36–37 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2003) *Requiem for Ethnicity*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Vakhitov R.R. (2022) Features of Provincial Russia. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 179–184 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-179-184
- Vasiliev V. (2011) On the Banks of the Taiga River. *Kamchatka Ermak*, Petropavlovsk-Kamchatsky: Novaya kniga, pp. 127–133 (in Russian).
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York.
- Zainutdinov A.E. (2012) Siberian Identity in the Mirror of the Civilizational Analysis. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no 6(65), pp. 335–343. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/bchgt417ss/direct/134069668.pdf>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Zhigunova M.A., Remnev A.V., Suvorova N.V. (2014) Siberian Aspect of Regional Identity. *National Priorities of Russia*, no 2(12), pp. 48–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26246689>, accessed 15.01.2024 (in Russian).
- Zimovina E.P., Prodantsov K.S. (2022) Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular across Generations. *Herald of Anthropology*, no 2, pp. 7–27 (in Russian). DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27